

97
1430

В. ВЕЛИЧКО
Гвардии подполковник

Побежденный Берлин

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

1945

9 97
1430

В. ВЕЛИЧКО
Гвардии подполковник

ПОБЕЖДЕННЫЙ БЕРЛИН

☆

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1945

ГОБЕЖЕННИЙ ВЕДЕНИИ

MS-14319

В понедельник, 23 апреля 1945 года, Красная Армия ворвалась в Берлин. В Москве — столице социалистической отчизны — вечером гремели салюты. До поздней ночи люди не уходили с улиц. Они стояли под весенним небом, охваченные глубокими, непередаваемыми чувствами, и поздравляли друг друга.

А там, далеко за рубежами родной земли, русские, советские войска маршала Жукова и маршала Конева совершали подвиг необыкновенный, подвиг небывалый в жизни всех народов и в истории всех войн.

Штурм сотрясал немецкую столицу. Яростно стучало её чёрное, звериное сердце. И никто из немцев не понимал, как всё это произошло.

1.

Одер — рубеж внешней обороны Берлина — пал.

16 апреля войска 1-го Белорусского фронта начали наступление на Берлин. Вёл войска маршал Жуков. В его приказе говорилось:

— Боевые друзья! Товарищ Сталин от имени Родины и всего советского народа приказал войскам нашего фронта разбить противника на ближних подступах к Берлину, захватить столицу фашистской Германии — Берлин — и водрузить над нею знамя победы. Кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него. Я призываю вас выполнить эту задачу с присущей

вам воинской доблестью, честью и славой. С именем Сталина — вперёд, на Берлин!

До Берлина было ещё 70 километров. Но войска уже торжествовали: настал долгожданный час!

Боец-сибиряк Ровшанд Турды снял каску перед своими товарищами и сказал:

— Мы придём в Берлин. А кто погибнет, то пусть живые принесут туда их имена.

По одной из дорог шла на Берлин гвардия генерала Василия Чуйкова, прославленная сталинградская гвардия. Она начала наступление с Одерского плацдарма южнее Кюстрина. Гвардейцы вырезали на своих котелках два слова:

— Сталинград — Берлин.

Вокруг была весна, пробуждалась природа. Густела зелёная сень лесов, и становилось тепло.

Все дорожные таблички показывали лишь одно направление:

— Берлин.

Все указки направляли туда, где шёл бой. Сражение развернулось по всему фронту, на протяжении многих десятков километров. Артиллерия поражала своим огнём тысячи квадратных километров одновременно. Фронт маршала Жукова двигался с колоссальным запасом снарядов. Казалось, этот запас был неисчерпаем. Голос стали пел над бескрайним полем боя. Ожесточение дошло до предела. Смерть косила немцев. И в душе каждого нашего солдата крепла уверенность, что это будет последнее сражение и что оно принесёт полную победу.

Долгожданный час!

2.

Сталинградская гвардия с первого шага должна была подняться на Зееловские высоты. То была длинная гряда крутых, почти отвесных высот. Она напоминала какую-то

щербатую стену или ряд бивней, высунувшихся из-под земли на десятки метров в высоту.

Чуйков докладывал маршалу:

— Сталинградцы поднимутся!

И они начали подниматься. Их встречали широкие, плотные минные поля, густые, глубокие траншеи, полные немцев; «Тигры» и «Фердинанды», врытые в землю, дивизионы вражеской артиллерии и сотни пулемётов. Всё это было вкопано в твёрдую станину высот намертво.

Снизу, у подошвы, бушевал рыжий пороховой огонь; сверху, на гребне, свистело пламя, а середина была застлана дымом. Он клубился, полз вниз и вверх, и сыпался оттуда пепел, валилась земля.

Туда поднимались солдаты Сталинграда.

Гвардейцы генерала Зализюк уже пробили огненное подножье и скрылись в дыму. Наши пушки расчищали им путь. Батарейцы выдерживали огонь немецких орудий прямой наводки. Вражьи снаряды ложились на наши огневые позиции. И тут же ползли в огне артиллерийские мастера с сумками, полными инструментов и запасных частей к орудиям.

Пушечные мастера Парашевский и Шкреп со своими помощниками работали в самозабвении:

— Расчёт, к огню! — кричал Парашевский, когда пушка была восстановлена.

И мастера перебежали к другому повреждённому орудю.

А пехота была уже высоко. Впереди шли коммунисты. Первая цепь уже поднялась за дым, к огню, что бушевал на гребне. Эту цепь вёл коммунист автоматчик Владимир Лозовой, кавалер двух орденов Славы. Шинель горела на нём.словно живой кусок пламени и дыма, он прыгнул в первую траншею, на головы немцам. А немецкие танки уже катились с гулом сверху вниз — в контратаку.

Коммунист Даньшин поднялся из траншеи с подрыв-

ным патроном и пополз навстречу танку. Оглушительный взрыв патрона отбросил самого Даньшина в сторону. Танк пылал и кружился на месте.

— Пробегайте вперёд, пробегайте! — сияясь крикнуть, шептал Лозовой, залитый кровью.

Всё выше карабкались сталинградцы. Впереди них грохотали минные поля, поднимаясь к небу целыми площадями, словно вздымалась на воздух сама земная кора. Сапёры ползли наверх, бороздя животами изрытую почву. Это они создавали на минных полях дьявольский шум, разряжая их. За партторгом Рыбкиным ползла вся парторганизация сапёрной роты — Синегуб, Мабакаев, Живоротов, Заворотынский, комсомольцы Коваленко, Грбовой, Ефремов. Они находили провода управляемых минных полей и прокладывали пути для танков.

Танки натужно поднимались вверх, к гребню. В некоторых местах они не могли идти прямо; чтобы не опрокинуться, шли по диагонали и вели бортовой огонь. Видели пехотинцы, как тяжёлая гвардейская машина двигалась к гребню наискось, как она сцепилась с немецким танком и опрокинула его. Машина подмяла под гусеницы три немецких пулемёта и, как чудо, появилась на гребне.

Почти у самого гребня единоборствовал с огнём водитель другой машины — старшина Фёдоров. Танк горел. Фёдоров вылез из люка и начал сбивать пламя. Пламя погасло. Фёдоров снова бросился в машину, к своим рычагам. И тут танк взорвался, с каким-то живым, почти человеческим стоном.

Зееловские высоты дрожали, словно напряжённая, согнутая от усилий спина зверя.

* * *

Когда свершается подвиг, время исчезает.

Сталинградцам казалось, что до самого Берлина тянут

ся эти проклятые высоты. Между тем уже прошла ночь и наступил новый день.

Штурмовики и бомбардировщики низко пролетали над пехотой, покачивая крыльями в знак приветствия и ободрения; какой-то лётчик сбросил пехотинцам первые весенние цветы. И, странно, не погибли нежные лепестки в том страшном огне, сжигающем стопудовую броню, и попали в руки солдатам.

Гвардейцы генерала Михаила Дука поднялись на гребень, как вдруг над их головами повис вымпел. Он спустился медленно, прямо на них. И вскоре стало видно, что спускается какой-то необыкновенный предмет.

Это оказался огромный ключ. К нему была прикреплена записка:

«Гвардейцы, друзья! К победе, вперёд! Шлём вам ключ от берлинских ворот. С вами гвардейцы-штурмовики Героя Советского Союза Белявина».

Ключ был точной копией ключа от берлинских ворот, добытого русскими при взятии Берлина в Семилетнюю войну. Две даты были нанесены на нём:

«1760—1945 гг.»

Не было меры восторгу сталинградцев.

В те же минуты на самом гребне одной из высот появились две фигуры. Это были рядовой Леонид Махортов и командир стрелкового взвода лейтенант Шумков. Лейтенант призывно махал шинелью.

3.

Берлинское сражение ширилось. Границы его уходили далеко влево — к флангу войск маршала Конева и вправо — к позициям войск маршала Рокоссовского.

Нельзя было наблюдать всю необъятность этого гигантского поля битвы. С гребня Зееловских высот открывался по сторонам лишь дымный, раскалённый туман, прорезаемый огнём и силуэтами бесчисленных самолётов,

7.

шедших с востока, с родных рубежей советской земли, через всю Польшу.

Долетал ли туда шум битвы?

Но сердце каждого солдата чувствовало направляющую руку командного пункта, как в любом бою. Это чувство ведомо тем, кто впереди. Трудно объяснить оно — привычное, осязаемое. И солдаты чувствовали, что командный пункт этого сражения — там, в Москве, в Кремле, так далеко и так поразительно близко.

Бойцы говорили:

— Товарищ Сталин командует!

То, что было непонятно немецкому генеральному штабу, то было предельно ясно советскому солдату.

Зееловские высоты пали. Наши войска двигались прямо на Берлин и уже сокрушали закованный в оборонительные сооружения Мюнхеберг. Начались предместья германской столицы — виллы и дачи, роскошные особняки и дворцы, окружённые парками. В парках на воле жили лоси и олени. Их стада с шумом проносились через боевые порядки наших войск. И никому всё это не казалось необычным.

Вдохновение боя и близкой победы наполнило сердца и возвысило солдат над тем чуждым и странным миром, который окружал их.

Фланги сражения стремительно выдвигались вперёд, словно клещи. Они охватывали Берлин, сокрушая толстую оболочку его укреплений. Это происходило в десятках километров от центра битвы, но советские бойцы вслушивались в раскаты артиллерийского огня, всматривались в идущие по небу эскадрильи самолётов и безошибочно определяли:

— Наши окружают Берлин!

Так идея Сталина стала достоянием многотысячных советских армий, штурмовавших логово фашистского зверя.

Рядовой Мацук просил передать маршалу Жукову:

— Мы готовы днями не спать и не есть, а наступать, наступать, наступать. Мы чувствуем победу.

Ночами над Берлином поднимались огненные столбы бесчисленных прожекторов. Столбы скрещивались, качались, и качалось над Берлином небо, как бы готовясь обрушиться на город. И в эти ночи приближались к Берлину, шли следом за действующими частями резервы — колонны пехоты, танков, орудий — неисчислимые, охваченные жаждой битвы. Каждый час казался им вечностью. Бойцы не спали ночи напролёт, ожидая приказа о вводе их в бой. Никакая сила не могла заставить их лечь спать.

Нехватало дорог. Войска шли лавиной по целине.

4.

Гвардия генерала Чуйкова шла на приступ.

Ошеломляющий удар её таранил немецкую оборону, словно ядро — стену. Позади оставались городские районы, с действующим водопроводом, дымящимися заводами. Жители выходили из подвалов и с удивлением встречали обозы на улицах. И быстро-быстро улицы начинали одеваться в белые флаги.

Белые флаги свешивались с верхних этажей, поднимались из полуподвалов. Белые повязки появились на каждом немце. И, казалось, что любимый цвет немцев — белый.

Между тем грохот сражения сгущался, свирепел. Войска врвались в Берлин. Улицы становились уже, всё выше поднимались здания. Сталинградцы бились словно в гигантских каменных траншеях. Тысячи окон заменяли немцам окопы. Гвардейцы генерала Михаила Дука, те самые, что получили «ключи Берлина» от лётчиков-штурмовиков, вырвались по узким улицам к Шпрее.

Широкая мутная река, зашита в бетон набережных,

легла перед ними. На глазах у гвардейцев взлетел к небу мост. С окон сыпался на них свинец, с подъездов били орудия прямой наводки. Проклятые «фаусты» валились с окон, сжигали камень и железо.

Михаил Дука — молодой генерал — сжал зубы и прошептал:

— Ну, братцы, задача... А всё же немца одолеем.

Шпрее!

К ней шли сталинградцы с берегов Волги и, проникая в будущее, в те необыкновенные дни знали, что придут в Берлин. Укрывшись за камнем, гвардейцы злобно смотрели на Шпрее, на Берлин, на немецких солдат, мелькавших в окнах домов. И тут нехватало патронов в подсумках и вещевых мешках — всё было излито огнём через ненавистную речку, в окна проклятого города.

Разведчик Хохлёнок — маленький, вёрткий — полз по камню мостовой, стлался, как лист, катился, как шарик. Как избегал он смертоносного огня, трудно сказать. Тяжёло дыша, сверху, следил за каждым его движением генерал Михаил Дука.

— Ну, как? — спросил он, когда Хохлёнок взобрался к нему на пятый этаж.

Разведчик доложил:

— Лодок хватит. Все лодки на этом берегу. Здесь у них водная пристань.

Радостно сверкнули серые глаза молодого генерала. Он рубанул рукой воздух, взял трубку телефона, крикнул генералу Хетагурову:

— Так точно, товарищ генерал, через два часа буду на западном берегу.

Командующий гвардейской артиллерией подполковник Павел Зотов бросился вниз, к орудиям, и там послышался его густой голос:

— Тянуть всё, всё на прямую наводку.

В пробоинах стен, в арках, в подъездах и в окнах ниж-

них этажей показались жерла орудий. Они открыли огонь в упор по домам западной набережной Шпрее... Это было 23 апреля, в 10 часов утра, но на реку опустились сумерки. Щебень и пыль, огонь — всё смешалось с криком. Гвардейцы бросились к лодкам.

И поплыли!

Затем показались в лодках генерал Михаил Дука и подполковник Павел Зотов. Тяжёлый снаряд лёг на реку и швырнул лодки куда-то вверх.. А на том берегу уже вёл огонь старший сержант Мазин со своими товарищами. Плыли уже на лодках по Шпрее гвардейские орудия майора Репина. И они достигали набережной; поднимали их артиллеристы на руках и катили вперёд, в боевые порядки пехоты.

Так сталинградская гвардия Василия Чуйкова ворвалась в Берлин. Это произошло на оси главного аэропорта Берлина Темпельгоф, с востока.

* * *

Берлин..

Звуки боя, люди, огонь, сражение в целом — всё преобразилось здесь.

Стрелковая рота лежала на камне, слившись с ним. Выдалась та минута, над которой не властен ни командир, ни враг, — минута, когда душа солдата озарена победой, когда он видит плоды своих усилий и слушает голос Родины.. Сталинградцы молчали, но каждый хотел бы сказать.

Парторг негромко спросил:

— Может, кто пожелает взять слово? Мы пришли в Берлин.

Иван Люзин снял каску, и она гулко звякнула о камень.

— Думаю так, — промолвил Люзин, — здесь мы и заколотим фашизм в гроб. За тем сюда и пришли.

Фёдор Гудук подтвердил!

— Не вывески читать пришли.

Валился вниз шебень. Слышалось, как с глухим шумом падают стены домов.

5.

24 апреля 1945 года газета сталинградских гвардейцев генерала Дука «В бой за Сталина» вышла в Берлине впервые. Она попала в руки бойцов через один час. В это время шёл бой.

И в самой редакции всё походило на бой: рядом лежались снаряды. Падали люди, несли раненых и убитых, в редакции со звоном летели остатки стёкол. Но редакция работала с упорством гвардии: наборщики набирали следующий номер, радист принимал очередную информацию, из полков и батальонов приходили чёрные от дыма, усталые, возбуждённые корреспонденты.

Редактор, майор Дылев, торопил:

— Давай, давай!

Это была неистовая редакция. Она выпускала газету, листовки о героях, сводки Совинформбюро, бюллетени, «Боевые листки». Успевали люди. Как швейная машина, безостановочно работал ручной печатный станок.

И отсюда, из этой крошечной, героической редакции, словно живительный ключ, било пламенное, возвышающее душу большевистское слово... Политическая жизнь войска была напряжена до предела; мыслящая, идейная армия жаждала идейного слова.

На короткий час вырывался из боя начальник политотдела гвардии подполковник Гончаров — сухощавый, измождённый человек. Он садился за стол, слушал доклад помощника и, оставшись один, тихо, осторожно брал в руки стопку партийных билетов, вынесенных из боя.

Залитые кровью... Пробитые пулями и осколками... Дорогие, бесценные...

Меркли глаза у начальника политотдела, чистые слёзы блестели на ресницах...

Он просматривал каждый билет. На всех была лаконичная, скорбная надпись: «Пал смертью храбрых в Берлине...» И многих узнавал подполковник Гончаров. Ещё третьего дня, ещё вчера он выдавал эти билеты. О, Родина! О, партия, — это твои сыны...!

А там, в глубине берлинских камней, в гвардейских батальонах уже вступали в партию новые герои. Они знали, что коммунисту в бою труднее, чем беспартийному, но они хотели именно этого.

Их бессмертные подвиги озаряли путь другим. Злодейка-смерть была невластна над ними. Они жили и в смерти...

Редел и политотдел.

Дрогнули руки начальника, когда он развернул последний партбилет: агитатор майор Мещеряков убит...

Пали рядом с гвардейцами работники политотдела Аникеев, Порозов. Ранен инструктор Меркин.

Но политотдел жил, и сердца гвардейцев ощущали его горячее дыхание.

Сталинградская гвардия двигалась по улицам Берлина с прежней силой и быстротой. Она уже шла по завалам, баррикадам, через надолбы, всюду перегораживающие узкие, глубокие улицы. И здесь открылось всё превосходство солдат Сталинграда над немецкими солдатами. Сталинградцы свободно владели всеми видами оружия.

Там, где в окне стоял один пулемёт, немцы начали ставить два пулемёта. Сталинградцы атаковали эти усиленные позиции. Немцы прижали гвардейцев к камню.

— Прикройте меня! — приказал автоматчикам ефрейтор Иван Дарявин.

Он пополз через улицу. Он гнулся, как лоза, обтекая каждый камешек, полз, царапая мостовую своей каской. Вот он пересёк середину улицы, поднял голову, быстро

осмотрелся. Потом раздался оглушительный взрыв в доме, где сидели немцы. Дом замолчал — два пулемёта и 12 немецких солдат погибли.

И вновь гвардейцы бросились вперёд.

Так они достигли канала Тельтов, новой преграды. Мосты были ещё целы. Немецкие подрывники метались под арками моста. Мгновения решали судьбу атаки. Гвардейцы ползли, бежали. Вот они уже вырвались на набережную... Огонь и треск...

Агитатор капитан Смирнов поднял автомат и бросился на мост. Рванулись за ним сталинградцы.

В это время вспыхнули шнуры на быках моста. Гвардейцы уже бежали по нему. Большая часть их, как птицы, уже перелетела на ту сторону. И раздался взрыв. С грохотом раскололся мост. Упали навзничь гвардейцы. Упали и поднялись. Мост лишь переломился, и солдаты полезли по нему вверх, как на Зееловские высоты, — на коленках, на руках.

Канал Тельтов был форсирован. И тут кто-то закричал: — Ищите Геббельса, ищите Геббельса... Убежит, собака!.. Хотя бы посмотреть, какой он есть.

Но впереди предстояло многое и самое трудное. Далеко ещё было до имперской канцелярии и до рейхстага...

Припадая к камню, в великом напряжении двигались гвардейцы вперёд по горящим улицам, оглушённые от страшного грохота, полуслепшие от дыма.

В огне и крови истёк этот день, 24 апреля.

6.

25 апреля клещи двух фронтов сомкнулись, и Берлин был окружён.

Приказ Маршала Сталина об окружении Берлина из уст в уста передавался по всем катакомбам городского фронта, и каждый солдат находил в нём имя своего командира, благодарность великого вождя и радовался тому.

Теперь гвардия генерала Чуйкова круто поворачивала направо, на север. Вступал в действие главный и решающий удар — рассечение Берлина на две части. Войска генерала Кузнецова с севера на юг, а гвардия генерала Чуйкова с юга на север должны были ударить одновременно и соединиться в районе рейхстага, чуть западнее имперской канцелярии, в парке Тиргартен.

Тиргартен, Вильгельмштрассе, Кенигсплац, Унтер ден Линден — сердцевина Берлина. По ним предстояло прошагать Красной Армии, и там должна была наступить позорная гибель фашистского Берлина, берлоги коричневых зверей.

Маршал Жуков передавал солдатам Сталинграда напутственные слова:

— На вас возложена историческая задача. Помните о Родине. Товарищ Сталин надеется на вас.

Круто, полным поворотом направо начала свой манёвр сталинградская гвардия в глубине Берлина. Огромный и туго собранный её организм преодолевал камень и огонь. Стволы и люди стали фронтом на север — к рейхстагу. И по батареям, по батальонам, по штурмовым группам полетела одна цифра:

— Объект № 105!

Это и был рейхстаг. Он походил на огромную шахматную ладью. Чёрная громада его стояла особняком. Была она видна и ночью в зареве, нависшем багровой тучей над Берлином.

Генерал Чуйков стоял на своём наблюдательном пункте, и перед ним открывался окружённый Берлин. Уже туго было сжато кольцо. Оставался у врага центр, состоящий из шести обширных районов. На пути сталинградской гвардии стояли немецкие войска СС, сколоченные в группы под литерами. Группы «А», «Б», «Ц», «Д» призваны были спасти Берлин.

Сталинградской гвардии предстояло испытать их.

Клокотал окружённый Берлин, подобно кратеру. Пепел сыпался с неба. Бой не ослабевал, а усиливался. Огненное кольцо сплошных вспышек от орудийных выстрелов ясно светилось вокруг зажатого в тиски пекла. Несколько тысяч орудийных стволов были нацелены со всех сторон на Берлин. Длинные трассы светящихся снарядов летели к центру города.

Генерал Чуйков прислушивался к бою. Там, в огне и раскалённом камне, дралась его испытанная гвардия. Он вспоминал Сталинград...

Генерал заметно сторбился с тех пор, заметно постарел. Тут же стоял его вестовой сибиряк Борис Скорняков. Теперь это был уже не юноша, а молодой человек, старший сержант. И генерал, и вестовой думали об одном.

— Борис, Сталинград-то, а? — спросил генерал.

Скорняков тихо ответил:

— Да, Сталинград.

Они понимали друг друга.

7.

Клещи советских войск сжимали Берлин.

В немецкую столицу пришла новая жизнь, пришла суровая, карающая правда. 26 апреля на улицах занятых советскими войсками районов Берлина появился первый приказ начальника гарнизона и коменданта города Берлина генерал-полковника Берзарина. Второй пункт приказа гласил:

«Национал-социалистскую немецкую партию и её организацию распустить и деятельность их воспретить».

Между тем сражение продолжалось. Всюду оно было ожесточённым. Наступили решительные дни. Сталинградская гвардия завершила манёвр и двинулась на север.

Гвардейцы генерала Дука двинулись на группу «Ц». Они должны были форсировать канал Ландвер, захватить

Ангальтский вокзал и выйти на соединение с бойцами генерала Кузнецова у рейхстага.

Подполковник Павел Зотов отдал приказ:

— 50 снарядов по рейхстагу, 500 — по вокзалу и узлу железных дорог, 1.000 — по переправам через Ландвер. Дайте так, чтобы у немцев душа в пятки ушла!

Заскрежетала по улицам броня, пошли самоходки; улицы наполнились гулом и грохотом. Танки проходили мимо пушек, бывших прямой наводкой. Железная, огнедышащая лавина лилась по Меккернштрассе к Ландверу.

Штурмовой батальон Петра Королёва таранил проход. Зияли на мостовых провалы, и через них были видны тоннели метрополитена с замершими станками военных заводов, спущенных под землю. Рушились завалы. Пехота наступала через огонь и препятствия. Удар был тяжёл, неотступен. За полтора часа гвардейцы пробились к переправам. В спины атакующих стреляли немцы, засевшие в домах; первая длинная колонна пленных потянулась от переправ. Никто не смотрел ни на тех, ни на других — всё двигалось вперёд.

И вдруг сильный взрыв затуманил всё впереди. Пешая переправа через Ландвер полетела в воздух. С ходу кинулся батальон майора Петра Королёва на другие мосты, кинулся и не пробил. В предельном усилии нажали все батальоны. Ударили и пали на камень. Линия домов за каналом стояла прямо на набережной. Здесь было более 800 окон. И каждое окно лило огонь.

Тяжкая минута.

Какие-то четверо гвардейцев показались высоко на железнодорожном мосту. «Фауст» накрыл их на рельсах...

Нет...

Цепенели чёрные переплёты железнодорожных мостов над Ландвером. Они лежали высоко, на уровне четвёртых и пятых этажей — недоступные. Виднелась в дыму дуга главного купола Ангальтского вокзала.

Батальоны подползли к последнему у воды дому. В это время на мансарде шестиэтажного дома зазвонил телефон. Генерал Хетагуров требовал к телефону подполковника Зотова—командующего артиллерией. Дом качался, горел, с нижних этажей шёл на мансарду дым, немцы расстреливали этот дом «фаустами».

— Что же, брат,— послышался сухой голос в трубке,— воевать разучились?

У Зотова дрогнули губы. Для него не могло быть более сильного удара, чем эти слова.

Нет, не разучились они воевать. Это они брали познанскую цитадель с её бастионами и глубочайшими отвесными рвами... Но генерал Хетагуров должен был сказать эти жёсткие слова.

Подполковник Зотов камнем скатился вниз.

— 152, 203-миллиметровые, сюда! — в ярости закричал он кому-то. — Ставить на прямую наводку.

Бой шёл дом в дом, окно в окно. Чаши весов боя сравнялись и как бы остановились в неподвижности.

8.

Оборона немецких войск группы «Ц» уходила с поверхности под землю. Подземный Берлин так же обширен, как и наземный. Четырёхколейные штольни метро, штольни и ходы подземного хозяйства столицы тянутся на десятки километров, пересекают друг друга, поднимаются на поверхность и снова уходят под землю.

Мрачен этот подземный Берлин. В его тёмных закутах гнездились гарнизоны немецких солдат. Они наносили удар и бесследно исчезали с поверхности. Они появлялись с «фаустами» в тылу, били наших солдат в спину и вновь уходили в свои убежища.

Метрополитен — грязное, отвратительное сооружение Берлина — становился ареной схваток в самых неожиданных местах.

Рота старшего лейтенанта Парла Шевченко спустилась

под землю. Гвардейцы взяли с собою гранаты, пулемёты и радиостанцию. Спустилась рота и словно канула. Долго о ней не было слуха. И вот радист на поверхности поймал позывные Павла Шевченко. Тот двигался под землёй. В крошечной тьме он вёл разведку. Молодой гвардейский офицер прекрасно ориентировался и докладывал, что идёт впереди рот, двигающихся на поверхности.

Глухо доходили шумы боя под землю. Медленно, прижимаясь к стенам, двигалась рота. И вдруг огонь, треск и свист пуль прорезал темноту. Блеснули немецкие каски. Вражеский подземный гарнизон!

Рядовой Ковалёв бросил гранату в гущу мелькнувших теней. На минуту оглохли и повалились на рельсы все — и русские, и немцы. Но тотчас же подземный бой начался снова.

А на поверхности, у канала Ландвер, уже вторые сутки шёл неослабный бой за переправы. Немцы чувствовали нависшую, как тяжёлая гроза, решительную гвардейскую атаку. Они открыли огонь из всех окон и щелей по дому, в котором, готовые к прыжку через Ландвер, притаились гвардейцы. Над ними валился дом, уже рухнули верхние этажи.

Когда стрелки стали на 17.45, раздалась команда:

— Пулемёты — в окна! Пушки — к окнам!

По коридорам застучало железо; потащили 45-миллиметровые пушки, разворачивали их у окон, на глазах у тех же немцев. Звенели каски от камня, льющегося в них, как град. А переправа — под окнами. Видны немцы, перетаскивающие пулемёты к окнам напротив.

Треск и орудийные выстрелы заглушили собою всё. Штурм начался.

1-й стрелковый батальон майора Коршунова бросился к каналу и как-то весь, будто стая птиц, опустился на развалины моста. Хлестнул вражий огонь. Эх, братцы! Задние, замешкавшиеся, посыпались, как спелые яблоки,

вниз, в воду. Но нет же! Такой силы ещё не бывало, чтобы устояла перед сталинской гвардией!.. Сбитый снарядом немецкий пулемётчик вывалился с окна на мостовую вместе со своим пулемётом, вместе с обломком стены.

И в это время вдруг загредел у Ландвера советский гимн. Он ворвался в звуки боя внезапно и подавил их своей силой. Мощная радиоустановка майора Овчинникова подошла к самому каналу, и её голос сотрясал камень Берлина.

2-й стрелковый батальон майора Слатунова бросился к Ландверу. Советские автоматы затрещали на той стороне. И мгновенно не стало видно на набережной ни одной живой души, словно движение батальонов минуту назад было только видением. Гвардейцы вошли в камень и словно внутри камня двигались вперёд...

Слабо, еле слышно доносился из-под земли голос радиостанции старшего лейтенанта Павла Шевченко. Бесстрашный офицер докладывал, что гарнизон опрокинут, что рота встретила на своём пути железобетонный занавес и пробивает его, потому что за ним укрылся другой гарнизон.

* * *

Наступал ранний вечер.

Связисты майора Родоманова тянули связь за канал. Они шли по-пятеро: трое отстреливались от немецких снайперов и автоматчиков, оставшихся в домах, а двое прокладывали нитку.

И вскоре генерал Дука говорил со своими подполковниками:

— Вперёд! 4.000 снарядов сейчас проложат вам дорогу! Ни пуха, ни пера!

Пошёл тёплый, тихий дождь. Остывали под ним раскалённые стволы пушек, чтобы через две минуты снова изрыгать огонь.

В Берлинском сражении для нашего командования не было и не могло быть неожиданностей, которые бы изменили его ход.

План — неумолимый, поглощающий любой манёвр врага, действовал и становился явью.

Ожесточённое сопротивление фашистов переходило в безумие. И советские воины понимали это. За каждым новым штурмовым ударом они спрашивали: «Гитлера и Геббельса не видали? Не пропустить бы их как-нибудь!» Это была не шутка, не каламбур. Это была забота, не дающая покоя. Все живо чувствовали грядущую и близкую победу. Многие солдаты безошибочно и точно назвали день гибели Берлина. Эти солдаты, вдохновлённые идеей Сталина, своего величайшего командира, стали провидцами, и будущее открылось им. Безумие врага не удивляло их.

Всё теснее сжималось удлинённое кольцо советских войск в центре Берлина. Район рейхстага простреливался пулемётным огнём насквозь, и войска Кузнецова и Чуйкова, идущие навстречу с севера и юга, уже слышали друг друга.

И тогда начались дни агонии Берлина. Это были дни 28, 29, 30 апреля.

Сражение нарастало в своей ярости. В зоне боя оказались не только командные пункты полков, но и командные пункты дивизий и корпусов; стреляли из всех окон, подвалов, под огнём были все перекрёстки. Войска вошли в самое пекло немецкого фашизма. Немецкие солдаты передевались в штатское платье, пережидали штурм и, когда он перекатывался вперёд, занимали места у пулемётов и метательных аппаратов «фаустов» и возобновляли бой.

Чтобы вынести раненого с передовой линии в тыл, санитар должен был пробиваться пять—шесть кварталов.

Батарейцы вели круговой стрелковый огонь, прикрывая других, которые в это время вели артиллерийский обстрел.

Притаившись, немцы лежали на мостах, сидели в горящих зданиях.

Всюду шли бои в домах. Верхние этажи их были заняты немцами, нижние нашими. Коридоры стали подобны траншеям.

Солдаты поднимались шаг за шагом по этажам всё выше; на десятых этажах работали наши крупнокалиберные пулемёты, шли гранатные бои. А внизу, как в пропасти, лежали площади и улицы, перекрёстки, завалы и доты. Там тоже шла борьба.

Командир штурмового батальона майор Пётр Королёв глянул вниз — прижата пехота к камню.

С самых верхних этажей немцы строчили из автоматов и не давали дороги внизу. По лестницам бросились гвардейцы Королёва выше. А внизу уже показался тяжкий хобот крупнокалиберного орудия. Артиллерия большой мощности разворачивалась под арками железнодорожного моста на прямую наводку.

— Огня! — просил Королёв, — по верхним этажам.

Наводчик сержант Дерсалий припал к панораме. Рядом стало другое орудие — старшего сержанта Стручкова. Оба орудия должны были вести огонь через узкие пролёты следующего моста.

И они дали огонь. Послетали каски у пехотинцев от страшного сотрясения. Закачался дом, рухнули шпиль и верхние этажи. Оглушённые гвардейцы Королёва, шатаясь словно пьяные, бросились вперёд.

В это время вышла из подземного боя рота старшего лейтенанта Павла Шевченко. Гвардейцы несли с собою раненых и убитых. Позеленевшие, отвыкшие от света, люди широко раскрывали невидящие глаза, спрашивали:

— Где немцы?

28 апреля гвардейцы генерала Дука продвинулись на

30 метров вперёд и на 5 этажей вверх. 16 батарей подполковника Зотова положили на немцев в этот день 8.080 снарядов. На долю рейхстага выпало 510 снарядов, из них 110 тяжёлых.

До рейхстага оставалось 700 метров.

И гвардия начала новый штурм.

Упорно продвигалась через Ландвер-канал артиллерия подполковника Служанова, — продвигалась сквозь стрелковый огонь немцев, все ещё сидевших на узких высоких мостах. Пали под огнём на мостах кони; чтобы освободить путь, батарейцы рубили их трупы на части, сбрасывали вниз и на руках тащили свои пушки. И многих здесь настигала смерть.

Одиноко темнели меж переплётов мостов силуэты орудий, лежали в вечном сне возле них батарейцы.

— Тогда шли другие. Снизу прикрывали их собратья.

152-миллиметровая самоходка лейтенанта Александра Кормина вышла из укрытия, остановилась на глазах у немцев и открыла огонь. Град пуль тархтел об её рубку. Но ничего не слышали батарейцы, оглушённые собственным огнём. Они работали бешено. Наводчик Андрей Базганов, заряжающий Алексей Бузина, водитель Николай Караваев, замковый Попович были чёрны от дыма, будто кузнецы у горна.

— Идут? — спрашивали они о пушках на мосту.

И снова открывали огонь.

10.

Войска сжимали кольцо всё плотнее. Никто не отставал. Там, где проходил один пехотинец, там проходили все огромные, неиссякаемые силы штурма, проходили через множество минированных мостов, арок, каналов.

На мостах, на десятиметровой высоте, меж переплётами, прильнув к рельсам, карабкались, работали гвардейцы-сапёры капитана Шишканова. Инженер-подполковник

Иванов был тут же — спокойный, сдержанный. Четверть за четвертью разминировались прямые ходы. Огонь немцев оказался бессильным перед храбростью советского человека.

Сражение продолжалось с прежней силой. И, казалось, не будет ему конца. Лихорадочно стучал пульс боя...

Наступал кризис.

Это было 30 апреля, в 11 часов 30 минут.

По огненному кольцу советских войск молнией пролетела команда:

— Огонь на весь режим, изо всех видов оружия!

Это была необычная команда. Была она первой и единственной за всё Берлинское сражение. И вздыбились штурмующие войска. Все поняли:

— Меч опускается в последний раз.

Вдохновение озарило усталые, потемневшие от тяжёлого, бессонного труда лица. Бойцы сбрасывали шинели, фуфайки. Из солдатских мешков были выложены хлеб и бельё, мешки наполнялись патронами.

И меч опустился на надменный Берлин. Грохот потряс землю. Растворилось в нём всё — и воздух, и речь человеческая. Лихорадочно работали артиллеристы; к стволам орудий и винтовок нельзя было прикоснуться; кипела вода у станковых пулемётов.

Так было 20 минут.

Львиным прыжком бросилась вперёд пехота. Сталинградская гвардия опрокинула немецкие гарнизоны в домах, перелетела за валы на улицах, устремляясь вперёд, на соединение с войсками генерала Кузнецова.

И они соединились там, где было определено командованием.

Перед солдатами генерала Кузнецова встала чёрная гранитная глыба — колоссальный дот. Гигантские валькирии из того же гранита как бы охраняли тот дот, похожий на старинную туру варваров.

Это был рейхстаг.

Солдаты генерала Кузнецова бросились к его бойницам. Закипела кровавая схватка. И словно из той святой крови советских бойцов, что лилась под гранитом рейхстага, взметнулся над этим проклятым местом красный флаг.

И ветер широко раздул его полетнице.

Гвардия Чуйкова ворвалась в имперскую канцелярию. На город опустилась ночь. Её тьма прикрывала последние минуты жизни фашистского Берлина.

Он ещё грохотал.

11.

Наступило 1-е мая.

И ещё прошёл день — последний день конвульсий фашистского Берлина.

Советские солдаты вели бой, но знали обо всём. Никто ничего не таил от них. Они творили историю, и для них не могло быть ничего тайного. Ни один дипломат в Берлине в те дни не знал столь много, как рядовой советский солдат. И на лицах бойцов было написано такое выражение, словно они поймали матёрую и зубастую, хитрую щуку и держат её за жабры.

Артиллерия вела сокрушительный огонь. В поте лица работали подносчики патронов на передовой линии.

Генерал Чуйков докладывал маршалу Жукову:

— Ожидаю немцев.

Они не могли не притти. Солдаты Берлинского гарнизона сотнями сдавались в плен. Их унылые грязно-зелёные колонны двигались в тыл со всех участков боя. Развал и смрад в тёмной глубине фашистской берлоги поразили и армию.

В ночь на 2-е мая начальник обороны Берлина, глава его гарнизона Вейдлинг, перешёл линию фронта и явился к генералу Чуйкову.

— О, кошмар! — простонал Вейдлинг, обняв голову. — Это безумие, это безумие... — Затем он твёрдо сказал: —

Я пришёл, чтобы прекратить бессмысленное сопротивление.

Он написал приказ своим войскам о полной капитуляции. Военный совет нашёл документ удовлетворительным... Началась сдача оружия частями Берлинского гарнизона.

И стала затихать канонада. Она затихала медленно, точно какая-то огненная машина, мчась на невероятной скорости, начала вдруг останавливаться, замедляя свой разгорячённый бег.

В 3 часа дня 2 мая 1945 года гарнизон Берлина прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

Взятый в плен первый заместитель Геббельса по пропаганде Фриче показал, что Геббельс и начальник германского генерального штаба Кребс покончили жизнь самоубийством.

12.

Величайшее в истории войн и народов сражение закончилось. Берлин пал.

Бойцы вытирали пот со своего чела.

И взору всех открылась картина немного гнева и возмездия.

Руины... Руины... Руины...

Берлин, вспаханный советской артиллерией. Куда хватал глаз, простиралось поле камня, щебня, развалин. Тишина опустилась на город.

На улицах и площадях бойцы чистили пушки. Пришли к ним и задымили солдатские кухни, полные борща и каши. И их пары жизни глубоко вдыхали солдаты.

Тут же, у кухонь, сев в сторонку, они ставили свои котелки и, не торопясь, подбирая крошки, начинали кушать. Они поднимали чарку за Победу, за Родину, за здоровье своего великого командира товарища Сталина строго, заботливо. И тут они вспоминали своих павших

товарищей и жалели, что не дожили они до этого знаменитого часа.

Русские песни звучали по Берлину всюду.

Берлинцы вышли из подвалов, и улицы наполнились людьми. Оживал Берлин. Но это был уже не прежний фашистский Берлин, а город новый, как младенец, с неясными ещё чертами. Новый жизненный путь открывался пред ним.

Солдаты приходили к рейхстагу и писали на его стенах:
«Мы — с Волги»...

Рядом появлялись другие надписи: «А мы — из Москвы». Кто-то писал проникновенно:

«Я в Сибирь в родную деревеньку

Неприменно к матери зайду...»

Величие победы волновало душу.

* * *

Не воскреснуть фашистскому логову. Народы всех языков и океанов будут жить без страха. Мир прославляет великого советского солдата и преклоняет пред ним голову.

Родина-мать прижимает к сердцу своих верных сынов. Воспалёнными устами они шепчут, припадая к её груди:

— Мы победили. Нет большего счастья, как счастья служить тебе и умирать за тебя.

Слава живым, слава и вечная память павшим на камнях Берлина.

Вечно будет помнить о них мир.

Берлин, май 1945 г.

А 5663. Тираж 500.000 экз. Заказ № 1144.
Типография газеты „Правда“ имени Сталина,
Москва, улица „Правды“, дом № 24.

90

— 1 1 HIGH 1945

Цена 40 к.

75 06